

Пелам Гренвилл Вудхаус

P. G. Woodhouse

Вильгельм Телль на новый лад
Бросок!
Неудобные деньги
Дева в беде

Пелам Гренвилл Вудхаус
Вильгельм Телль на новый
лад. Бросок! Неудобные
деньги. Дева в беде
Серия «Библиотека классики (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73846673
ISBN 978-5-17-170303-5

Аннотация

Меткий стрелок, юный бойскаут, почтенный лорд и капризная мисс – что объединяет всех этих героев? Конечно же, фирменный неподражаемый юмор Пелама Гренвилла Вудхауса!

Отважный Вильгельм Телль противостоит жестокому наместнику и освобождает Швейцарию от ига Австрии. Кларенс Чагуотер и его отряд спасают старую добрую Англию от вторжения армии врагов. Лорд Долиш пытается разобраться с личной жизнью и внезапно наследует целое состояние, угодив в круговорот интриг. А случайная встреча попавшей в беду леди Мод с известным композитором Джорджем Бивеном приводит к невероятной путанице...

Содержание

Вильгельм Телль на новый лад	5
Глава I	6
Глава II	11
Глава III	15
Глава IV	18
Глава V	22
Глава VI	26
Глава VII	30
Глава VIII	34
Глава IX	37
Глава X	41
Глава XI	45
Глава XII	49
Глава XIII	52
Глава XIV	56
Глава XV	60
Эпилог	63
Бросок!	64
Предисловие	64
Часть первая	65
Глава I	65
Глава II	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

**Пелам Гренвилл Вудхаус
Вильгельм Телль на новый
лад. Бросок! Неудобные
деньги. Дева в беде**

© The Trustees of the Wodehouse Estate

© Перевод. Е. Данилина, 2026

© Перевод. А. Дорман, 2026

© Перевод. Н. Трауберг, наследники, 2026

© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

Вильгельм Телль на новый лад

© Перевод Е. Данилиной

*Бидди О. Салливан
в подарок на Рождество*

*Так тяжёк был австрийский гнет
Швейцарскому народу.
Тирана Темь сразил – и вот
Все празднуют свободу.
О Теме толстые тома
Твердили мы уныло.
Но тут история сама –
Точь-в-точь что с Теллем было¹.*

¹ Здесь и далее по тексту используются цитаты из пьесы Ф. Шиллера «Вильгельм Телль». – (Примеч. ред.)

Глава I

Давным-давно, в незапамятные времена, когда в Швейцарии не было еще гостиниц, еще не снимали англичане Монблан на фото для альбома – показывать после чая, друзьям на зависть, вся страна принадлежала австрийскому императору, и он распоряжался там, как хотел.

Первым делом император отправил своего друга Германа Геслера наместником. Нехороший человек был этот Геслер, и вскоре выяснилось, что швейцарцам он не по нутру. Особенно им не нравились налоги. Швейцарцы, люди простые и экономные, хотели вообще без них обойтись. Они говорили: «Нам и так есть куда деньги тратить». Наместник со своей стороны хотел все обложить налогом. Если у кого было стадо овец, приходилось платить деньги Геслеру; а продав овец и купив коров, приходилось платить еще больше. Вдобавок Геслер обложил налогом хлеб, и печенье, и варенье, и булочки, и лимонад – словом, все, что ему в голову пришло. Тут уж население Швейцарии решило жаловаться. Вручить жалобу выбрали Вальтера Фюрста – за свирепый вид и рыжие волосы, Вернера Штауффахера – за седые волосы и задумчивый вид (это он размышлял, как правильно пишется его фамилия) – и Арнольда Мельхталя – за русые волосы и знание законов. В один прекрасный апрельский день они явились к наместнику и были приглашены в ауди-

енц-зал.

– Итак, – спросил Геслер, – чем обязан?

Друзья выпихнули вперед Вальтера Фюрста, надеясь, что его свирепый вид испугает наместника. Вальтер Фюрст кашлянул.

– Так? – подбодрил Геслер.

– Э-э... гм! – сказал Вальтер Фюрст.

– Уже хорошо, – шепнул Вернер, – поддай ему жару!

– Э-э... гм! – снова сказал Вальтер Фюрст. – Дело в том, ваше наместничество...

– Мелочь, конечно, – ввернул Геслер, – но обычно ко мне обращаются «ваше превосходительство». Да?

– Дело в том, ваше превосходительство, что народу Швейцарии...

– ...который я представляю, – шепнул Арнольд Мельхталь.

– ...который я представляю, кажется, что нужно кое-что изменить.

– Что именно? – осведомился Геслер.

– Налоги, ваше превосходное наместничество.

– Изменить налоги? Что, народу Швейцарии налогов не хватает?

Вмешался Арнольд Мельхталь.

– Народ думает, что и этих много, – сказал он. – На овец налог, на коров налог, на хлеб налог, на чай налог, на...

– Знаю-знаю, – перебил Геслер, – все налоги мне извест-

ны. Ближе к делу. Что тут неясного?

– А то, ваше превосходительство, что их слишком много.

– Слишком много!

– Да. И мы не станем с этим мириться! – воскликнул Арнольд Мельхталь.

Геслер подался вперед на троне.

– Повторите, пожалуйста, – сказал он.

– Мы не станем с этим мириться!

Геслер со зловещей улыбкой откинулся назад.

– А-а, – сказал он, – вон оно что! Не станете, вот как!

Попросите пожаловать сюда господина верховного палача, – бросил он стоящему рядом стражнику.

Господин верховный палач вошел в приемную – любезный седовласый старичок в корректном черном балахоне, ненавязчиво вышитом черепами.

– Вызывали, ваше превосходительство?

– Всенепременно, – отозвался Геслер. – Наш гость... – (он указал на Мельхталя) – говорит, налоги ему не нравятся. Он не станет с ними мириться.

Палач укоризненно прищелкнул языком.

– Определитесь, что можно для него сделать.

– Само собой, ваше превосходительство. Роберт, – позвал он, – масло кипит?

– Сию минуту вскипело, – раздался голос из-за двери.

– Так неси, да смотри, не пролей.

(Те же и Роберт, в доспехах и черной маске, с большим

котлом, из которого поднимаются клубы пара.)

– С вашего позволения, сударь, – вежливо обратился палач к Арнольду Мельхталю.

Арнольд посмотрел на котел.

– Да он горячий!

– Разогретый, – признал палач.

– Варить в кипящем масле незаконно.

– Можете подать на меня в суд, – сказал палач. – Прошу вас, сударь. Мы теряем время. Позвольте указательный палец на левой руке. Благодарю. Весьма обязан.

Он ухватил Арнольда за левую руку и окунул кончик пальца в масло.

– Ой! – подпрыгнул и воскликнул Арнольд.

– Не показывай ему, что тебе больно, – прошептал Вернер Штауффахер. – Притворись, будто не замечаешь.

Геслер снова подался вперед.

– Не желаете пересмотреть свой взгляд на налоги? – спросил он. – Вам теперь ясна моя позиция?

Арнольд признал, что, если на то пошло, какие-то убедительные моменты в ней есть.

– Вот и славно, – сказал наместник. – А как насчет налога на овец? Не станете возражать?

– Нет.

– А налог на коров?

– Самое то.

– На хлеб, на булочки, на лимонад?

– Лучше не придумаешь.

– Великолепно. Выходит, вы всем довольны?

– Еще бы!

– А остальной народ, как вам кажется?

– Тоже!

– И вы согласны? – спросил он Вальтера и Вернера.

– Да-да, ваше превосходительство! – вскричали те.

– Значит, все в порядке, – сказал Геслер. – Так я и думал: здравого смысла вам не занимать. Внесите небольшую сумму – шляпу вам протянет служащий слева от меня – за потраченное на вас время, а вы – (Арнольду Мельхталю) – добавьте скромную компенсацию за имперское масло, и мы останемся довольны друг другом. Уже? Вот и славно. До свидания, не споткнитесь на пороге.

Когда он закончил речь, троих представителей народа Швейцарии вывели из аудиенц-зала.

Глава II

Их встретила на улице толпа сограждан, которые по очереди подслушивали у замочной скважины парадного входа. Поскольку аудиенц-зал был с другой стороны дворца, через две двери, лестничный пролет и длинный коридор слышно было не очень хорошо, так что сограждане окружили вышедшую троицу и забросали вопросами.

– Он отменил налог на варенье? – спросил Ульрих, кузнец.

– Что с налогом на печенье? – воскликнул Клаус Флюе, городской трубочист, большой любитель печенья-ассорти.

– Да ну их, чай и печенье! – вскричал его сосед, Майер Сарнен. – Я желаю знать, будем ли мы платить за овечьи стада.

– Что вообще сказал наместник? – спросил Иост Вайлер, человек практичный и прямолинейный.

Трое представителей нерешительно переглянулись.

– Н-ну, – решился наконец Вернер Штауффахер, – коли на то пошло, говорить он почти не говорил. Больше дела, меньше слов, сами понимаете.

– Я бы характеризовал его превосходительство наместника, – объяснил Вальтер Фюрст, – как трудного оппонента. Ему пальца в рот не клади.

Услышав про пальцы, Арнольд Мельхталь испустил стон.

– Короче, – продолжал Вальтер, – в ходе нашей краткой,

но интересной беседы он нас убедил. Ничего не выйдет, придется платить налоги, как раньше.

Воцарилась мертвая тишина. Несколько минут все обменивались разочарованными взглядами.

Молчание нарушил Арнольд Сева. Его не выбрали представителем, поэтому он затаил обиду и воображал, что все обошлось бы, будь он на их месте.

– В сущности, – съязвил он, – вы трое не справились с поручением. Не называя имен, рискну предположить, что кое-кто в нашем городе зарекомендовал бы себя лучше. В таких тонких материях нужен, если можно так выразиться, такт. Такт – вот что нужно. Конечно, если хочется выскочить у наместника под носом...

– Мы не выскакивали, – сказал Вальтер Фюрст.

– ...с криком «отмените все налоги»...

– Мы не кричали, – сказал Вальтер Фюрст.

– Я не могу говорить, когда меня постоянно перебивают, – упрекнул Арнольд Сева. – Так вот, я продолжаю: необходимо прибегнуть к такту. Такт – вот что нужно. Избрали бы представителем швейцарского народа меня – заметьте, я не говорю «должны были», просто *если бы* избрали – я принял бы такую линию поведения. Твердым шагом, но без развязности войдя в приемную тирана, я бы сгладил неловкость, отпустив невинное замечание о погоде. Как только беседа завязалась, остальное, считайте, сделано. Я бы выразил надежду, что его превосходительство хорошо пообедал. Когда разговор захо-

дит о еде, нет ничего проще, как заметить, насколько излишни налоги на пищевые продукты, и все было бы благополучно слажено, подожди вы немного. Я не намекаю, кого следовало выбрать, просто поясняю, как бы я действовал, будучи представителем швейцарского народа.

Арнольд Сева с оскорбленным видом подкрутил усы. Друзья немедленно предложили дать ему шанс, ободренные сограждане отвечали согласным гулом. В итоге колокольчик у входа во дворец снова зазвонил, Арнольд Сева вошел, и дверь за ним захлопнулась.

Через пять минут он вышел, посасывая левый указательный палец.

– Нет, – произнес он, – не вышло. Тиран меня убедил.

– Я знал, что так и будет, – сказал Арнольд Мельхталь.

– Могли бы предупредить, – отрезал Арнольд Сева, приплясывая от боли.

– Горячее оно?

– Кипящее.

– А!

– Значит, он не отстанет со своими налогами? – раздалось в толпе огорченные голоса.

– Нет.

– Тогда нечего делать, – провозгласил Вальтер Фюрст, вдохнув поглубже, – придется бунтовать!

– Бунтовать? – закричали все.

– Бунтовать, – твердо ответил Вальтер.

– Вперед! – восклицали все.

– Долой тирана! – кричал Вальтер Фюрст.

– Долой налоги! – ревели в толпе.

Воцарилось невиданное воодушевление. Последнее слово осталось за Вернером Штауффахером.

– Нам нужен предводитель.

– Я не собираюсь навязываться, – начал Арнольд Сева, – но должен сказать, когда речь идет о руководстве...

– У меня есть кое-кто на примете, – сказал Вернер Штауффахер. – Вильгельм Телль.

– Ура Вильгельму Теллю! – грянула толпа и, по знаку Вернера Штауффахера, запела старинный швейцарский хорал:

«Каравай, каравай,
Кого любишь, выбирай!»

Напевшись до хрипоты, они отправились по домам немного поспать перед дневными трудами.

Глава III

В живописном шале, высоко в горах, покрытых снегом и эдельвейсами (это цветы, растут они в Альпах, рвать не разрешается), жил Вильгельм Телль с женой Гедвигой и двумя сыновьями, Вальтером и Вильгельмом. Он был такой замечательный человек, что я ему отведу целую главу. Любое дело горело у него в руках. Во всей Швейцарии никто лучше него не стрелял из лука. Он дрался, как лев, ходил по горам, как серна, прыгал, как белка, и носил осанистую бороду. Пробраться через вечные льды или проскакать по утесам вслед за дичью?— Телль не подведет. Нагрубить наместнику?— Телль тут как тут. Однажды *охотился он в Шехенском ущелье, там редко след увидишь человека; он шел пустынной горного тропой, где встречным разминуться нелегко. Над головой его скала нависла, под ним ревел сердито бурный Шехен.* Внезапно они встретились с наместником лицом к лицу. Как только Геслер увидел Телля при луке, *он смутился и побледнел, колени задрожали,* словом, он присел на камушек, ощущая дурноту.

— Ба! — сказал Телль. — Кого мы видим! Я вас знаю. Хороши вы, нечего сказать, со своими налогами на хлеб да на овец. Когда-нибудь вы плохо кончите, старый негодяй! Фу!

Он бросил строгий взгляд и пошел прочь, пусть-де Геслер призадумается над его словами. С тех пор Геслер затаил зло-

бу и все искал случая ему отплатить.

– Попомни мои слова, – сказала Гедвига, когда за ужином муж рассказал ей о встрече. – *Позора он вовек не забудет.*

– *Я встречи не ищу. И он не ищет.*

– Вот и ладушки, – согласилась Гедвига.

А то еще был случай: конная стража наместника гналась за другом Телля, Баумгартеном, и тому ничего не оставалось, как пересечь озеро в ужасный шторм. Когда перевозчик справедливо заметил: «*Мне ринуться туда, в крошечный ад? Нет, я еще рассудка не лишился*», – и отказался отчалить даже за двойную цену, когда рейтары с ужасными воплями почти настигли свою жертву, Телль прыгнул в лодку и, со всей силы орудуя веслами, перевез друга по бурным волнам. Отчего наместник Геслер еще больше рассердился на него.

Особенно отличала Телля необыкновенно меткая стрельба. Никто во всей стране ему в подметки не годился. Он появлялся на каждом состязании лучников и всегда уносил первый приз. Даже соперники не отрицали его мастерства. «Зато, – говорили они, – Телль стреляет не для души», намекая, что он только и думает, как бы собрать побольше призов. Телль посмеивался: «Понятно, не для души, а для тела: мне надо кормить семью». Он никогда не возвращался с охоты без добычи. Иногда он приносил серну, и тогда семья ела в первый день жаркое, еще четыре дня – заливное, а на шестой день – биточки, с гренками по краю блюда. Иногда он

добывал одну птицу, и тогда Гедвига жаловалась: «Попомни мои слова, ее на всех не хватит». Хотя всегда хватало, и уж никогда не случилось так, чтобы даже птицы не было.

Собственно, семья Телля жила счастливо и благополучно, несмотря на наместника Геслера и его налоги.

Телль был настоящий патриот. Он верил, что настанет день и Швейцария восстанет против тирании наместника, поэтому он муштровал сыновей, чтобы те всегда были готовы. Они маршировали, крича во все горло и колотя по консервным банкам с таким пылом, что Гедвига, которая не выносила шума и ждала от детей помощи по хозяйству, частенько ворчала. «Попомни мои слова,— говорила она,— растущий дух милитаризма в молодом незрелом поколении ни к чему хорошему не приведет». Она считала, коли мальчишки играют в солдатики, а не помогают матери протереть стулья и вымыть пол, их ждет ужасный конец. Телль отвечал: *«Тот, кто хочет в жизни пробиться, должен быть вооружен и для защиты, и для нападения. Так держать, молодцы!»* Они так и держали. Вот к какому человеку швейцарский народ решил обратиться за помощью.

Глава IV

Обсудив положение в таверне «Глечик и глетчер», горожане решили выбрать троих делегатов, чтобы те пошли и объяснили Теллю, чего от него хотят.

– Не хотел бы показаться нахальным, – сказал Арнольд Сева, – но, мне кажется, одним из троих должен быть я.

– Думается, – возразил Вернер Штауффахер, – нам ни к чему замены и перемены. Почему не выбрать тех, что втроем ходили к Геслеру?

– Не хотел бы подходить критически, – ответил Арнольд Сева, – но вынужден напомнить уважаемому оратору (прошу меня простить), что он и его не менее уважаемые друзья не добились успеха.

– Как и вы! – огрызнулся Арнольд Мельхталь. Палец еще болел, тут кто угодно огрызнется.

– Все потому, – сказал Арнольд Сева, – что вы и ваши друзья, забыв о такте, взбудоражили наместника, и он не захотел прислушаться к другим. В делах такого рода самое главное – такт. Хотя как знаете. Не обращайтесь на меня внимания!

Горожане и не обращали. Они выбрали Вернера Штауффахера, Арнольда Мельхталь и Вальтера Фюрста, и троица, осушив стаканы, потянулась в горы, к дому Телля.

Остальные договорились подождать их возвращения в «Глечике и глетчере». Все очень волновались, чем дело кон-

чится. Восстание без Телля невысказимо, ну а вдруг Телль откажется стать предводителем? Ведь чем плохи восстания – подавляя их, предводителя казнят, чтобы другим было неповадно. Не всем нравится, когда их казнят, даже в назидание друзьям. С другой стороны, Телль был храбрый малый, патриот и, может, только того и ждал, чтобы сбросить иго тирана. Прошел час, и на склоне холма показалась тройка делегатов. Телля с ними не было, и у горожан возникли нехорошие подозрения. Человек, которого прочат в вожди революции, первым делом идет к соратникам устраивать заговор.

– Ну что? – заговорили все наперебой, когда тройца дошла.

Вернер Штауффахер покачал головой.

– А-а, – сказал Арнольд Сева, – я все понял. Он отказался. Вы не проявили такта, и он отказался.

– Нет, проявили, – возразил Штауффахер, – но убедить его нам не удалось. Дело было так: мы подошли к дому и постучались в дверь. Телль открыл. «Доброе утро», – сказал я. «Доброе утро, – сказал он. – Присаживайтесь».

Я сел.

– «*Поговорим, –* сказал я. – *На сердце тяжело*». По-моему, выразительный оборот.

Собравшиеся одобрителем забормотали.

– «*Да что слова, –* сказал Телль. – *От них не станет легче*».

– Неплохо, – шепнул Иост Вайлер. – Красиво он излагает,

Телль.

– *«Но к подвигам пускай ведут слова»*, – сказал я.

– Изящно, – одобрил Иост Вайлер, – очень элегантно. И что?

– А Телль на это и ляпни: *«Терпеть, молчать – весь подвиг ныне в этом»*.

– *«Но должно ль то сносить, – сказал я, – что нестерпимо?»*

– *«Да, – сказал Телль, – кто любит мир, того оставляют в мире. Как только наместник поймет, что мы от его притеснений не бунтуем, он устанет нас притеснять»*.

– А вы что ему ответили? – спросил кузнец Ульрих.

– Что плохо он знает наместника, если на это надеется, *«мы многого добьемся сообща, – сказал я. – Сплотившись, даже слабые могучи»*.

– *«Тот, кто силен, – сказал Телль, – всего сильнее один»*.

– *«Что ж, родине на вас надежды нет, – сказал я, – когда придет нужда в самозащите?»*

– *«Нет, почему же, – сказал он. – Я с вами. Только я не го- жусь в заговорщики или в советчики и все такое. В делах я себя проявляю лучше. Так что не зовите меня на собрания, не просите выступать и прочее; а вот если понадобится что-то сделать, тут я и подключусь, ладно? Черкните мне, как понадобится, – можно открытку, – и Вильгельм Телль не станет прятаться за чужими спинами. Нет, господа»*. С этими словами он нас выпроводил.

– Ну что ж, – подытожил Иост Вайлер, – не безнадежно.

Нам остается только устроить заговор. Давайте приступим.

– Давайте! – закричали все.

Кузнец Ульрих постучал по столу, требуя тишины.

– Господа, – сказал он, – наш друг Клаус Флюе прочтет доклад на тему «Наместники: их слабые места и как с ними бороться». Прошу тишины, господа. А ты, Клаус, старина, говори погромче и не тяни.

И горожане без дальнейших проволочек начали серьезно заговариваться.

Глава V

Несколько дней спустя Гедвига пилила Телля за любовь к авантюрам. Он чинил топор на пороге дома. Гедвига, как обычно, стирала. Вальтер и Вильям неподалеку играли детским самострелом.

– Отец, – сказал Вальтер.

– Да, сынок?

– У меня тетива крякнулась («крякнулась» – так швейцарские мальчишки говорят вместо «порвалась»).

– Чини, сынок, – сказал Телль. – Стрелку неоткуда ждать помощи.

– По-моему, – заявила Гедвига, выскочив за дверь, – мальчику в его возрасте вообще незачем стрелять. Мне это не нравится.

– Не начать сызмала – не стать мастером. Помню, когда я был мальчишкой...

– По-моему, – перебила Гедвига, – когда ребенок хочет только стрелять, это не дело. Ему бы дома посидеть, матери помочь. А тебе не вредно подать пример.

– Ну, знаешь ли, – сказал Телль, – я не домосед от природы. В пастухи меня калачом не заманишь. Я бы не знал, куда повернуться. Нет, у каждого свое дело, вот охота – по моей части. Охотиться я как раз умею.

– Гадкое и вредное занятие, – отпарировала Гедвига. – Не

нравится мне слушать, как ты заблудился в пустынных ледниках или прыгал по всяким утесам. Когда-нибудь, попомни мои слова, оступишься и упадешь в пропасть, или под лавиной окажешься, или пойдешь по льду, а он возьмет да треснет. На все лады можно убиться.

– Кто соображает да смотрит в оба глаза, – самодовольно произнес Телль, – не убьется. *Природным горцам горы не страшны*, а я дитя гор.

– Дитя, уж точно! – отбрила Гедвига. – Что пользы с тобой спорить!

– Никакой, – согласился Телль, – мне пора в город. У меня назначена встреча с твоим папенькой и еще кое с кем.

(Забыл сказать: Гедвига была дочерью Вальтера Фюрста.)

– Та-ак, чего вы с папой затеваете? – поинтересовалась Гедвига. – Какую-то заварушку, я знаю. Поняла еще, когда папа привел сюда Вернера Штауффахера и того, другого, а ты не позволил мне слушать. Что там еще? Опасные выдумки, не иначе.

– Ну как тебе пришло в голову? – рассмеялся Телль. – Опасные выдумки! Что опасного станем мы с тестем выдумывать?

– Знаю! – сказала Гедвига. – Меня не обманешь! Зреет заговор против наместника, и ты туда же.

– Как не помочь родной стране!

– И тебя, конечно, поставят куда поопасней. Я их знаю. Не ходи. Пошли Вальтера с запиской, мол, сожалею, только

сейчас вспомнил, обещал быть в другом месте, не могу принять ваше любезное приглашение.

– Нет, надо идти.

– Еще одно, – настаивала Гедвига. – Геслер сейчас в городе.

– Сегодня уезжает.

– Вот и подожди, пока уедет. Не стоит с ним встречаться.

Он затаил на тебя злобу.

– Да что мне до его злобы! Я в своем праве, кого мне бояться?

– Кто в своем праве, – заметила Гедвига, – тот ему больше всех и ненавистен. Ты же знаешь, он тебя никогда не простит за разговор тогда, в ущелье. Не ходи сегодня в город. Найди себе занятие. Ступай на охоту, раз так.

– Нет, я дал слово, – ответил Телль, – и должен идти. Поторапливайся, Вальтер.

– А несчастного ребенка чего за собой тянешь? Иди сюда, Вальтер, сию минуту!

– Я хочу с отцом, – захныкал Вальтер, потому что специально копил карманные деньги для города, с тех пор как отец обещал его взять с собой.

– Да отпусти ты мальчика, – сказал Телль. – Вильгельм при тебе останется. Правда, Вилли?

– Да, отец, – согласился Вильгельм.

– Ну, попомни мои слова, – заявила Гедвига, – как бы чего плохого не случилось.

– Вот еще, – сказал Телль. – Что может случиться?

И, не задерживаясь, они с Вальтером направились к городу.

Глава VI

Тем временем в городе много чего происходило, о чем Телль не имел понятия. Поскольку тогда в Швейцарии не было газет, ему случалось отстать от жизни. Обычно он полагался на знакомых, которые, посиживая в кухне, рассказывали, что произошло за последнее время. Конечно, когда случалось что-нибудь из ряда вон выходящее, им некогда было тащиться в гору, к его домику. Им хотелось быть в городе, поближе к событиям.

А случилось вот что. Когда наместнику выдавалась минутка отдыха от наместничества, Геслер (который, как вы помните, был нехороший человек) выдумывал все новые способы досадить швейцарцам. Он был из тех, кто

«дразнит вас наверняка,
Нарочно раздражает»².

Больше всего он любил запрещать. Только обнаружит, что именно людям нравится, и тут же посылает герольда сказать: «Прекратите». Нет вернее способа им досадить, решил он для себя. А тут стал в тупик: все, до чего он смог додумать-

² «Он дразнит вас наверняка, / Нарочно раздражает» — Л. Кэрролл. Алиса в стране чудес. Гл. 6. Пер. Д. Орловской (стихи), пер. прозы — Н. Демуровой. (Здесь и далее примеч. пер.)

ся, уже запретил. Запретил петь, танцевать, играть на всех музыкальных инструментах под предлогом, что шум мешает людям работать. Запретил есть почти все, кроме хлеба и мясных обрезков, ведь люди объедаются, а потом только и способны сидеть и жаловаться на здоровье. Запретил всякие игры, чтобы люди не тратили зря время.

И вот дожил. Хотел еще хоть что-нибудь запретить, а придумать ничего не мог.

Внезапно его осенило.

Он приказал слугам срезать длинную жердь. Они срезали очень длинную жердь. Потом он повелел: «Принесите из прихожей мою шляпу. Не самую лучшую, что я ношу в воскресенье и по праздникам; и не ту, в которой хожу каждый день; и не охотничью – эти мне все нужны. Подайте мне самую старую шляпу». Ему подали самую старую. Он сказал: «Наденьте шляпу на шест». Шляпу надели на самую верхушку шеста. Тогда он приказал: «Идите и поставьте шест посреди луга у входа в городские ворота». Слуги пошли и поставили шест точно посреди луга, напротив входа в ворота.

Затем он разослал глашатаев на север, юг, запад и восток, позвать людей, поскольку им объявят нечто важное и особенное. Люди приходили десятками, и полусотнями, и сотнями – мужчины, женщины, дети; все стояли и ждали перед дворцом, пока не выйдет наместник и не объявит важное и особенное.

Ровно в одиннадцать часов Геслер доел превосходный

завтрак и вышел на крыльцо с речью.

– Дамы и господа! – начал он. (Голос из толпы: «Громче!»)

– Дамы и господа! – снова начал он, уже громче. – Попадись мне любитель кричать «Громче!», я бы его затравил дикими слонами. (Аплодисменты.) Я созвал вас сегодня, чтобы пояснить, почему на лугу против городских ворот выставлен шест, а на верхушке его – моя шляпа. Причина такова: вы все, как я знаю, меня любите и уважаете. – Он сделал паузу, ожидая громких приветствий, но все молчали, и он продолжал: – Я знаю, как бы вам хотелось приходить каждый день во дворец и склоняться передо мной. (Голос: «Нет, нет!») Попадись мне любитель кричать «Нет, нет!», я бы нацепил ему на пятки розовых скорпионов, а если он же кричал «Громче!», еще и тарантулов. (Громкие аплодисменты.) Как я уже говорил, пока меня не перебили, я знаю, как бы вам хотелось приходить во дворец и склоняться передо мной. Однако вас много, дворец тесный, и я вынужден отказать вам в удовольствии. Чтобы вас не разочаровать, я установил свою шляпу на лугу, и вы можете склоняться перед ней. Даже должны. (Голос: «Ну, она будет покрасивее тебя!») Попадись мне любитель таких сравнений, я бы привязал его к дереву и затравил дрессированными мухами. (Оглушительные аплодисменты.) В общем, короче: если кто пройдет через луг, не поклонившись шляпе, его арестуют стражники и я посажу бешеных дроздов клевать ему нос. Вот так-то! Солдаты, расseyте толпу.

Геслер успел скрыться за дверями, когда яйца и капустные кочаны засвистели в воздухе. Стражники принялись распахивать толпу по переулкам, пока площадь перед дворцом не расчистилась. Все это произошло за день до того, как Телль с Вальтером отправились в город.

Глава VII

Установив шляпу на шесте посреди луга, Геслер отправил двоих солдат, Фризгарда (я думаю, следует писать Фризгард, а произносить Фрисгарт, но на всякий случай спроси у сведущих людей) и Лейтхольда, стоять на страже и следить, чтобы никто не прошел, не преклонив колени перед шестом и не обнажив голову.

Но люди, гордые тем, что они «die tertien Kolatschen», как говорилось у них (по-нашему это «тертые калачи»), нашли выход из положения. Они быстро сообразили: раз надо кланяться шесту, проходя по лугу, то можно не ходить по лугу, а значит, и не кланяться. Так что все шли далеко в обход, и двоим стражникам пришлось скучать в одиночестве.

– И чего мы здесь валандаемся, – начал Фризгард, – время тратим? (Фризгард, человек малообразованный, говорил не очень грамотно.) Никто ведь из местных шляпе кланяться не хочет. Ясное дело. Помнится, тут на лугу было что на твоей ярмарке – все толкаются и пихаются, только бы пройти – а теперь! Пустыня, одно слово. Чистая тебе пустыня. Одни мы тут околачиваемся за здорово живешь. Вот так вот.

– И ты подумай, ловкачи какие, – продолжал он. – Нынче утром, не дальше, я себе смекаю: «Фризгард, – говорю, – ты только дождись двенадцати, когда они потащатся из ратуши, и тут уж мимо лужайки им не пройти. Там увидим, – так себе

говору. – Как сейчас, с подковыркой будто. Поживем, – говорю, – увидим». Жду-пожду, и вот в полдень выходят они, целой толпой, и пошли по лужайке. «Ну, – думаю, – щас самое веселье начнется». И что, по-твоему? Только они к жерди-то подошли, выскочил вперед священник, псаломщик в колокольчик зазвонил, и все бухнулись на колени. Так то ж они молиться, а не из-за шляпы. Вот чего удумали. Ловкачи, одно слово!

Фризгард со злости пнул шест железным башмаком.

– Я уверен, – сказал Лёйтхольд, – целиком и полностью уверен, они смеются над нами. Послушай только!

Из-за пригорка слышался голос.

– Где ты взял такую шляпу?

– Видишь! – проворчал Лёйтхольд. – И так все время. Перед этим было: «Кто же шляпник у тебя?» Мы здесь просто посмешище. Ни дать ни взять два жулика у позорного столба. *Ведь это срам для доброго вояки – быть на посту перед пустою шляпой. Отвешивать поклоны перед шляпой! Поверь, дурацкий это, брат, приказ!*

– Ну вот еще, – отозвался Фризгард, – *перед пустою шляпой! Ты ж кланяешься голове пустой? Ха-ха! Заправский из меня шутник, верно?*

– Сюда идут, – сказал Лёйтхольд. – В кои веки! Да что там, один сброд по большому счету. Кого поприличнее здесь не дождешься.

На краю лужайки копилась толпа. Поминутно прибывали

еще люди, по виду – из низов, пока не собралась добрая сотня. Они стояли, указывая пальцами на шест и переговариваясь, но никто не пытался ступить на луг.

Наконец кто-то выкрикнул: «Эй!»

Стражники не шелохнулись.

Кто-то еще гаркнул: «У-у-у!»

– Проходите, проходите! – откликнулись стражники.

В толпе загалдели: «Где ты взял такую шляпу?» Стоит швейцарцам придумать дразнилку, и они от нее не скоро откажутся.

– Где-ты-взял-такую-ШЛЯПУ? – вопили они. Фризгард и Лейтхольд стояли, как статуи в доспехах, не обращая внимания на выкрики черни. Черни это не понравилось. Стали переходить на личности.

– Ты, в ржавой жестянке! – горланил кто-то, имея в виду Фризгарда, хотя его доспехи, пусть не новые, не заслуживали такого обращения. – Кто шляпник у тебя?

– Да ты разуй глаза, – орал ему друг, поскольку Фризгард хранил молчание, – не видишь будто, ведь это чучело!

Шутника наградили взрывом смеха. Фризгард, хоть и сам любил шуточки, покраснел.

– Зарделся как маков цвет! – раздался выкрик.

Фризгард побагровел.

Тут события стали принимать интересный оборот.

– Ладно, – отрезал грубый голос из толпы, – разговорами делу не поможешь. Подавай яички, хозяйюшка!

Немедленно над лужайкой пролетело яйцо и разбилось о плечо Лёйтхольда. Толпа взвыла от восторга. Вот забава так забава – решили они, и тут же от яиц, капусты, дохлых кошек и тому подобных снарядов потемнело в воздухе. Стражники кричали и бушевали, но не смели покинуть пост. Внезапно, в самый разгар шквала, все стихло, как по волшебству. Стоило кому-нибудь обернуться, как он начинал прыгать от радости и размахивать шапкой, и так все сборище.

Раздалось оглушительное приветствие.

– Ура! – кричали в толпе. – Вон идет старина Телль! Теперь-то повеселимся!

Глава VIII

Телль шагал с луком на плече, в компании Вальтера. Он ничего не знал о распоряжении наместника и очень удивился, увидев большую толпу на лугу. Он, как всегда вежливо, поклонился, в толпе трижды прокричали «ура», и он снова поклонился.

– Ого!– внезапно заметил Вальтер.– *Отец, гляди-ка, шляпа на шесте.*

– *Что нам до шляпы?* – сказал Телль и пошел по лугу с величайшим достоинством, а Вальтер пошел рядом, стараясь держаться как отец.

– Эй, там!– закричали солдаты.– *Стойте! Почтения не отдали вы шляпе.*

Телль ничего не ответил, только глянул презрительно. Вальтер глянул еще презрительнее.

– Ну-ка, ты!– рывкнул Фризгард, преграждая ему путь.– *Во имя императора, ни с места!*

– Приятель, – сказал Телль, – отстань. Я спешу. Ничего я тебе не дам.

– У меня приказ, – сказал Фризгард, – стоять здесь, и чтобы никаких хождений, которые шляпе не кланяются. Наместника приказ, самого. Так-то.

– Приятель, – сказал Телль, – не мешай мне. Я пройду, и весь сказ.

Поощрительные выкрики из толпы, только и ждавшей, когда начнется заварушка.

– Давай, Телль! – вопили они. – Не мели с ним языком. Наподдай ему!

Фризгард распался все больше.

– У меня приказ, – повторил он, – которые не кланяются – арестовать, и без лишних слов, молодой человек, я вас арестую. Так что? Будем кланяться или пройдемте?

Телль оттолкнул его и пошел, гордо подняв голову. Вальтер пошел рядом, тоже подняв голову.

БАЦ!

Толпа ахнула, увидев, как Фризгард поднял пикку и с размаха ударил Телля по макушке. Эхо раскатилось по лугу, вверх по холмам и вниз, в долины.

– Ох! – выдавил Телль.

«Ну, – подумала толпа, – сейчас будет на что посмотреть».

Сначала Телль решил, будто на голову ему упала самая высокая гора в округе. Потом подумал: землетрясение. Наконец до него дошло, что какой-то солдатишка ударил его пикой. Тогда он разозлился по-настоящему.

– Слушай, ты! – начал он.

– Смотри, ты! – указал на шляпу Фризгард.

– Ты мне сделал больно, – сказал Телль. – Пощупай, какая шишка. Хорошо хоть, голова у меня твердая, а то бы не знаю, чем кончилось. – Он двинул кулаком Фризгарду в лоб, но, поскольку тот был в железном шлеме, вряд ли почувствовал

удар.

Зато прочувствовала толпа и ринулась на помощь Теллю. Все ждали, когда Телль начнет драку, потому что сами не хотели быть зачинщиками. Нужен был предводитель.

Убедившись, что Телль ударил Фризгарда, они засучили рукава, ухватили свои палки и дубинки и помчались по лугу.

Стражники ничего не заметили. Фризгард бранился с Теллем, а Лёйтхольд смеялся над Фризгардом. Так что народ, вооруженный палками и дубинками, захватил их врасплох! Но Геслер набирал себе на службу храбрых солдат; скоро они всю давали сдачи, и народ в большинстве пожалел, что не сидит дома. Ясно, на солдатах были доспехи, и удары они ощущали слабо; а крестьяне были без доспехов, и удары по ним приходились чувствительней. Например, Конрад Гунн напал на Фризгарда, а тот случайно уронил пику – и надо же, как раз Конраду на ногу. Тот похромал назад, находя, что в драке без крепких башмаков мало толку.

Перевес временно оставался за стражниками.

Глава IX

Вокруг шеста еще долго бушевала драка; Фризгард и Лейтхольд, размахивая кулаками и древками пик, носились туда-сюда, аж земля тряслась под железными башмаками. Фризгард сбил с ног подпaska Сеппи (кстати, предка Буффало Билла³), а от удара Лейтхольда Клаус Флюе просто пока-тился кувырком.

– Что вам необходимо, – заговорил Арнольд Сева, который увидел драку в окно и примчался советовать направо и налево, как всегда, – что вам нужно, это военная хитрость. Вот что нужно – расчет, маневр. Заметьте, не грубая сила. Какой смысл наскакивать с кулаками на стражника в доспехах? Он даст сдачи. Надо применить хитрость. Следите за мной.

Так он распространялся, стоя на обочине. Потом схватил дубинку и стал красться к Фризгарду, который только что отходил пикой охотника Верни – еще эхо не утихло в горах – и отвлекся на Иоста Вайлера. Арнольд Сева прошмыгнул сзади и поднял было дубинку, но Лейтхольд его заметил и спас товарища, со всей силы вогнав пику Арнольду бок. Поз-

³ *Буффало Билл* – (буквально – «Бизоний Билл»): настоящее имя – Уильям Фредерик Коди (1846–1917), охотник на бизонов, разведчик армии США в боях с индейцами, с 1883 г. – организатор циркового шоу «Дикий Запад», со стрельбой, ковбоями, индейцами и проч. Ездил с ним и по Европе.

же тот вспоминал, что чуть дух не испустил. Он так и пока- тился. Несколько минут по нему все топтались, но он все же поднялся и похромал домой, сразу лег в постель и не вставал два дня.

А Телль стоял в сторонке и наблюдал, сложа руки. Он был не против драться с Фризгардом один на один. А с целой толпой, решил он, нечестно будет: все против одного, даже такого грубияна.

Он посчитал, что пора положить конец бесчинствам, вы- тащил из колчана стрелу, приладил к тетиве и нацелил на шляпу. Фризгард в ужасе вскрикнул и кинулся наперерез. Тут кто-то сильно ударил его лопатой так, что шлем наехал на глаза – не успел Фризгард поднять забрало, как дело бы- ло сделано. Стрела, пробив и шляпу, и шест, вышла с дру- гой стороны. Первое, что он увидел, открыв наконец глаза: Телль стоит рядом и подкручивает усы, а кругом пляшет и буйствует толпа, бросая шапки в воздух.

– Безделица, – скромничал Телль. В толпе снова и снова кричали «ура».

Фризгард и Лейтхольд лежали на земле возле шеста, все в синяках и шишках, и думали, что в общем и целом лучше пока не подыматься. Как знать, до чего дойдет толпа, если снова кинется в драку. Так что они лежали себе и не вмеши- вались в общее веселье. Что им было нужно, как сказал бы Арнольд Сева, будь он здесь, – это отдохнуть немного. Шлем Лейтхольда так исколотили палками, что он съехал вниз и

совсем потерял форму, да и у Фризгарда был не лучше. Оба чувствовали себя, как будто их на мостовой переехала ломовая лошадь с телегой.

– Телль! – кричали в толпе. – Ура Теллю! Молодец Телль!

– Орел наш Телль! – горланил кузнец Ульрих. – Никто во всей Швейцарии бы так не выстрелил.

– Никто, – шумели вокруг, – ни один!

– Речь, – выкрикнул кто-то в толпе.

– Речь! Пусть Телль скажет речь! – подхватили все.

– Нет-нет, – возражал зарумянившийся Телль.

– Давай-давай! – гремела толпа.

– Да я не смогу, – отвечал Телль, – не знаю, что и сказать.

– Что угодно говори. Речь! Речь!

Кузнец Ульрих и рыбак Руоди подняли Телля на плечи, и, откашлявшись, он начал:

– Господа...

Приветствия из толпы.

– Господа, – снова начал Телль. – Это самый счастливый день в моей жизни.

Снова приветствия.

– Не знаю, что вы хотите от меня услышать. Я раньше не говорил речей. Простите, я так расчувствовался. Это лучшие минуты в моей жизни. Сегодня великий день для Швейцарии. Мы впервые ударили в набат революции. Не будем останавливаться.

Выкрики «Слушайте, слушайте» из толпы, где многие, не

разобравшись в словах Телля, бросились колотить Лёйтхольда и Фризгарда, пока зычный голос кузнеца Ульриха не призывал их к порядку.

– Господа, – продолжал Телль, – открылись шлюзы революции. С нынешнего дня они станут шествовать по стране, сжигая дотла трясину угнетения, которую воздвиг среди нас тиран-наместник. Я хочу только добавить, что это самый счастливый день в моей жизни, и...

Его прервал испуганный голос:

– Берегись, народ, наместник едет!

Геслер, в сопровождении вооруженной охраны, мчался к ним по лугу на всем скаку.

Глава X

Гнедой конь Геслера подскакал ближе, и толпа рассеялась во всех направлениях, ведь никогда не угадаешь, что может вытворить наместник, обнаружив заговор. Они твердо решили бунтовать и сбросить иго тирана, но потише и подальше от него – так удобнее.

Они отбежали на край луга и стали там группками, выжидая. Даже кузнец Ульрих и рыбак Руоди не остались, хотя догадывались, что речь не закончена. Они просто поставили оратора на землю и пошли, как будто ничего не делали и дальше ничего не будут делать – только в другом месте.

Телль остался один под шестом посреди луга. Он не желал убегать, как другие, хотя положение ничего хорошего не сулило. Геслер был человек суровый, скорый на расправу, а на земле лежали два солдата в помятых и зазубренных доспехах, да и его собственная шляпа на шесте пробита стрелой и потеряла прежний вид, никакие заплатки не помогут. Телль ждал неприятностей.

Геслер подъехал и осадил коня.

– Ну-ну-ну! – выпалил он. – Что здесь? Что здесь? Что здесь?

(Стоит человеку повторить сказанное трижды – сразу ясно, что он не в лучшем настроении.)

Фризгард и Лейтхольд поднялись, отдали честь и побре-

ли к всаднику. Подойдя, они стали по стойке смирно. Слезы текли у них по щекам.

– Нечего-нечего-нечего, – заявил Геслер. – Докладывайте.

Он потрепал Фризгарда по голове. Фризгард разревелся. Геслер подозвал одного из придворных.

– Есть у вас носовой платок? – спросил он.

– Есть, ваше превосходительство.

– Ну так вытрите ему слезы.

Придворный выполнил приказ.

– А теперь, – сказал Геслер, когда слезы были вытерты и перестали литься, – что здесь происходит? По пути я слышал «Помогите!». Кто звал на помощь?

– С вашего высокопревосходительственного позволения, – сказал Фризгард, – я имею жалобу.

– Следует говорить: «У меня есть жалобы», – сказал Геслер. – Продолжай.

– Как я есть верный вашего превосходительства слуга, несу службу в армии вашего превосходительства, и как меня поставили состоять при шесте и охранять шляпу, то я стоял и охранял – весь день напролет, ваше превосходительство. Тут проходит этот тип, я ему: «Кланяйся шляпе», – напоминаю. «Ха! – он мне в ответ. – Ха! Вот еще!» – и идет себе, даже не кивнет. Ну, я и постучал ему пикой по голове, чтобы помнил, не забывал, а он ка-ак даст сдачи. Тут набежала толпа с палками и давай мутузить меня и Лёйтхольда, ваше превосходительство. И пока мы отбивались, этот самый бе-

рет да стрелой из лука прямо в шляпу, уж не знаю, как ее такую теперь надеть. Добру перевод, ваше превосходительство, и все тут. Подлый народец меня и Лейтхольда свалил с ног, а этого – Телля, все кричали – поднял на плечи, а тот и рад, давай речи говорить, тут вы и подошли, ваше превосходительство. Все по правде, как на духу.

Геслер побледнел от ярости и смотрел волком на Телля, которого схватили два стражника.

– А, – сказал он, – Телль, вот как? Приветствую. Мы, кажется, встречались раньше? А, Телль?

– Встречались, ваше превосходительство. В Шехенском ущелье, – не колеблясь, ответил Телль.

– Хорошая у тебя память, Телль. У меня не хуже. Помнится, при случае ты сделал мне пару замечаний – так, мимоходом? А, Телль?

– Возможно, ваше превосходительство.

– Не самых вежливых.

– Сожалею, если я вас обидел.

– Рад это слышать, Телль. Как бы тебе не пришлось пожалеть еще больше. Третируешь моих солдат, значит?

– Я их не трогал.

– Не трогал, вот как? Ага! Зато выказал неподчинение властям, не кланяясь шляпе. Я повелел ее установить, чтобы испытать преданность народа. Боюсь, что преданным тебя не назовешь, Телль.

– *Я не из презренья – по безрассудству ваш приказ нару-*

шил. Я прошел, не подумав.

– Всегда сначала подумай, Телль. Не думать опасно. И шляпу, надо полагать, ты тоже прострелил по безрассудству?

– Немного вошел в азарт, ваше превосходительство.

– Вон оно что! Вошел в азарт, говоришь? Надо быть осмотрительней, Телль. Когда-нибудь тебе несдобровать. Хотя выстрел замечательный. Ты ведь меткий стрелок, Телль, говорят?

– Отец стреляет лучше всех в Швейцарии, – вмешался детский голос. – Он может сбить яблоко с дерева со ста шагов. Я сам видел. Правда, отец?

Вальтер было убежал, когда началась драка, но вернулся, увидев отца в руках стражников. Геслер окинул его холодным взглядом.

– Это еще кто? – спросил он.

Глава XI

– Это мой сын Вальтер, ваше превосходительство, – ответил Телль.

– Сын? Вот оно что. Чрезвычайно интересно. А еще дети у тебя есть?

– Еще один мальчик.

– *Которого ты сына больше любишь?*

– *Они мне оба дороги равно,* ваше превосходительство.

– Даже так! Чем не счастливое семейство? Послушай-ка меня, Телль. Ты любишь азарт, и я тебе его обеспечу. Мальчик говорит, ты за сто шагов сбиваешь яблоко с яблони. Признаю, тут есть чем гордиться. Фризгард!

– Ваше превосходительство?

– Подай мне яблоко.

Фризгард поднял одно из тех, что бросали в него и Лейтхольда, – они валялись кругом.

– Оно, как бы сказать, побито немножко, ваше превосходительство, – пояснил он, – от удара по шлему.

– Благодарю. Я его не есть собираюсь, – сказал Геслер. – Ну что ж, Телль, вот яблоко – хорошее яблоко, не перезревшее. Хочется мне проверить твое искусство. Возьми лук – он с тобой, я вижу – изготovyсь к выстрелу. Яблоко я положу твоему сыну на голову. Его отведут за сто шагов, и, если не собьешь яблоко первым же выстрелом, заплатишь жизнью.

Со злорадным торжеством он устоял на Телля.

– Да не может быть, ваше превосходительство! – воскликнул Телль. – Чудовищно! Вы, должно быть, изволите шутить. Как можно просить отца сбить яблоко с сыновней головы! Одумайтесь, ваше превосходительство!

– Ты должен сбить яблоко с головы мальчишки, – повторил Геслер сурово. – Я не шучу. Такова моя воля.

– Лучше умереть, – сказал Телль.

– Не станешь стрелять – казнию обоих. Что же, Телль, откуда вдруг такая осмотрительность? Мне говорили, ты любишь риск, а стоило предложить рискованное дело – ты сразу на попятный. Я понимаю, кто бы другой отказался. Но ты! Сбить яблоко за сто шагов для тебя – раз плюнуть. И какая разница, где яблоко – на ветке или на голове? Оно и в Африке яблоко. Давай, Телль.

Люди, слышав спор, потянулись с края лужайки и обступили их. Общий стон ужаса встретил слова наместника.

– Стань на колени, мальчик, – прошептал Рудольф Гаррас Вальтеру, – стань на колени, моли его превосходительство пощадить тебя.

– Ни за что! – отказался он наотрез.

– Так, – сказал Геслер, – раздайтесь – расчистите место! Поторапливайтесь! Нечего копать. Вот слушай, Телль, удели мне минутку. Я подхожу и вижу, как ты посреди луга открыто пренебрегаешь моей властью и насмехаешься над моими приказами. Подхожу и вижу, как ты ведешь бунтовские

речи для черни. Я бы мог тебя казнить без суда. А я казнию? Нет. Никто не скажет, будто Герман Геслер, наместник императора, какой-нибудь зверь. Я рассуждаю: «Дадим ему последний шанс». *Твою судьбу искусству рук твоих же я вверяю. Нельзя роптать на приговор суровый тому, кто сам своей судьбы хозяин.* Вдобавок, я не требую ничего сверх сил. Всего-то-навсего один выстрел, для тебя это ерунда. Ты похвалялся метким глазом. Докажи на деле. Эй, там, расступитесь!

Вальтер Фюрст бросился на колени перед наместником.

– Ваша светлость, – вскричал он, – никто не отрицает вашу власть. Да будет она милосердной. О, это превосходно, как скажет английский поэт через три столетия, – иметь гиганта силу, но тиранство – ей пользоваться как гигант⁴. Возьмите половину моего добра, но пощадите зятя!

Вмешался Вальтер Телль и попросил деда подняться, не ползать на коленях перед тираном.

– Ну, где мне стать? – спросил он. – Я не робею. Ведь мой отец бьет птицу на лету.

– Вон ту липу видите, – приказал Геслер стражникам, – привяжите мальчишку там.

– Не надо меня привязывать! – крикнул Вальтер. – Я не боюсь. Сам стану тихо, чуть дыша. Попробуйте только привязать, как дам пинка!

⁴ ...Ей пользоваться, как гигант. – У. Шекспир. Мера за меру. Действие II, сцена 2. Пер. М. Зенкевича.

– Давай хоть глаза тебе завяжу, – предложил Рудольф Гаррас.

– Вы что думаете, я боюсь смотреть, как отец стреляет? – сказал Вальтер. – И глазом не моргну. Отец, покажи этому извергу, какой ты стрелок. Он-то думает, ты промахнешься. Ну скажи – старый осел!

– Прекрасно, молодой человек, – пробормотал Геслер, – мы еще посмотрим, кто будет смеяться последним. – И он снова приказал толпе раздвинуться и дать путь стреле Телля.

Глава XII

Толпа подалась назад, открыв путь Вальтеру с яблоком. Пока он шел, стояла мертвая тишина. Затем люди начали перешептываться.

– Что происходит прямо у нас на глазах? – говорил Арнольд Мельхталь Вернеру Штауффахеру. – Чего ради мы давали клятву, если такое допускаем? Давайте восстанем и сразим тирана.

Более благоразумный Вернер Штауффахер задумчиво почесал подбородок.

– Н-ну, – промямлил он, – как сказать, трудность в том, что мы не вооружены, в отличие от стражников. Я бы и рад сразить тирана, только мне скажется, скорее он сразит нас. Понимаете, о чем я?

– Зачем мы медлили! – ныл Арнольд. – Стоило восстать пораньше, такого бы не случилось. Кто советовал выждать?

– Н-ну, – сказал Штауффахер (который сам советовал выждать), – теперь уж и не вспомню, но, конечно, легко выяснить из протоколов последнего собрания. По-моему, предложение прошло большинством в два голоса. Смотрите! Геслер проявляет нетерпение.

Геслер сидел на коне как на иголках и снова стал понукать Телля.

– Скорей! – кричал он. – Начинай!

– Сейчас, – ответил Телль, прилаживая стрелу на тетиве. Геслер опять начал насмехаться.

– Сам видишь, – говорил он, – как опасно носить оружие. Уж не знаю, замечал ты или нет, но стрела, бывает, рикошетом попадает в стрелка. Оружием вообще положено владеть только правителю страны – мне, например. Незнатные, заурядные люди вроде тебя – извини за прямоту – только набираются спеси, когда при оружии, и оскорбляют вышестоящих. Впрочем, не мое дело. Я только высказываю свое мнение. Лично я поощряю стрельбу в цель; потому и предложил такую замечательную мишень. Понял, Телль?

Телль не отвечал. Он поднял лук и прицелился. В толпе зашевелились, особенно справа от него, потому что нетвердой рукой, дрожащей первый раз в жизни, Телль навел стрелу не на сына, а напрямиком в гущу людей.

– Эй! Там! Не туда! Левее! – в панике кричал народ, пока Геслер покатывался от хохота и подзуживал Телля стрелять наугад.

– Яблоко не собьешь, – посмеивался он, – так хоть свалишь кого из дорогих соотечественников.

Телль опустил лук, по толпе пронесся вздох облегчения.

– В глазах мутится, – сказал он. – Ничего не вижу.

Он повернулся к наместнику.

– Не могу стрелять, – заявил он, – прикажите страже убить меня.

– Нет, – сказал Геслер, – нет, Телль. Мне не того надо.

Пожелай я тебя убить, не стал бы ждать от тебя приглашения. Я не собираюсь тебя казнить. Не сейчас. Мне хочется видеть, как ты стреляешь. Ну же, Телль, говорят, что ты все можешь и ничего не боишься. Недавно, слышал я, ты перевез одного человека, Баумгартена – так его зовут, кажется, – по штормовому озеру в открытой лодке. Помнишь, наверное? Я очень хотел его поймать, Телль. А теперь никакой особенной храбрости не требуется. Просто сбить яблоко с головы у мальчишки. Ребенок справится.

Пока он разглагольствовал, Телль стоял в молчании, руки его дрожали, а глаза впивались то в наместника, то в небо. Вдруг он выхватил из колчана вторую стрелу и заткнул ее за пояс. Геслер молча наблюдал за ним.

– *Стреляй, отец!* – крикнул Вальтер с другого конца луга.
– *Я не боюсь.*

Телль спокойно поднял лук и тщательно прицелился. Все подались вперед, напрасно передние ряды убеждали задние, что толкаться бесполезно. Геслер нагнулся в седле и всматривался в Вальтера. Когда Телль натянул тетиву, воцарилась гробовая тишина.

– *Взз!* – щелкнула тетива, и в воздух взвилась стрела. Еще секунду длилось молчание, и раздалось торжествующее «ура!».

Пронзенное в самую середину яблоко упало с головы Вальтера.

Глава XIII

Волнение нарастало. Тревога прошла, и в толпе снова и снова кричали «ура», трясли друг другу руки и бросали в воздух шапки. Все были в восторге, ведь Телля и Вальтера все любили. Радовало их и то, что наместник обманулся в своих ожиданиях. Он так долго настаивал на своем, что пора бы и ему уйти, не солоно хлебавши. С самого образования Швейцарии не было такого веселья на городском лугу.

Вальтер поднял яблоко, пронзенное стрелой, и хвастался им перед своими друзьями.

– Я же говорил, – повторял он. – Я знал, что отец меня не заденет. Он лучший стрелок во всей Швейцарии.

– Вот выстрел так выстрел! – воскликнул кузнец Ульрих. – Он отзовется в веках. Пока стоят горы, историю о Телле-стрелке будут передавать из уст в уста.

Рудольф Гаррас взял яблоко у Вальтера и показал Геслеру, который так и остолбенел в седле.

– Смотрите, – сказал он, – стрела вошла точно посередине. Такой выстрел бывает раз в жизни.

– Для Вальтера он и мог оказаться «раз в жизни», – укорил Геслера священник Рёссельман, сурово взирая на него.

Наместник не ответил. Он насупил, глядя на Телля, который стоял неподвижно, уронив лук, все еще глядя туда, куда улетела стрела. Никто не стремился заговорить с ним

первым.

– Что ж, – произнес Рудольф Гаррас, нарушив неловкое молчание. – Думаю, все кончилось? Нам пора, а?

Он все еще держал яблоко, ну, и надкусил. Увидев, как ускользает кусочек, Вальтер испустил крик. Перед лицом опасности он был безмятежен, но, когда Рудольф посягнул на яблоко, по всем правилам его собственное, он не смог сдержаться. Рудольф извинился и вернул яблоко, Вальтер с удовольствием принялся за него.

– Пойдем, я отведу тебя к маме, дружок, – сказал Рёссельман.

Вальтер не отозвался и продолжал жевать яблоко. Телль внезапно пришел в себя, поискал Вальтера и повел его по дороге домой, оставаясь глухим ко всеобщему восторгу. Геслер нагнулся к нему.

– Телль, – сказал он, – на два слова.

Телль вернулся.

– Ваше превосходительство.

– Пока ты здесь, объясни мне одну вещь.

– Хоть тысячу, ваше превосходительство.

– Одной довольно. Когда ты собирался стрелять в яблоко, ты одну стрелу вложил на тетиву, а вторую заткнул за пояс.

– Вторую! – Телль притворился удивленным, но наместник не дался в обман.

– Да, вторую стрелу. Зачем? Что ты задумал с ней делать, Телль?

Телль опустил взгляд и принялся вертеть в руках лук.

– Ваша милость, – произнес он наконец, – таков обычай у стрелков. Все лучники затыкают вторую стрелу за пояс.

– Нет, Телль, – возразил Геслер, – *нет, я не верю твоему ответу. Здесь умысел, как видно, был другой. Ты мне признайся, Телль, чистосердечно. Что б ни было, я не казню тебя*, так что говори. Зачем ты достал другую стрелу?

Телль оставил лук в покое и бесстрашно встретился с наместником глазами.

– Раз вы обещаете оставить меня в живых, ваше превосходительство, – ответил он, гордо выпрямившись, – скажу.

Толпа сбилась потеснее, боясь упустить хоть слово.

– *Когда бы я попал в родного сына,* – отчеканил Телль, – *стрелой этой я пронзил бы вас.* Если бы в первый раз я промахнулся, знайте, ваша милость, что вторая стрела попала бы в цель.

В толпе одобрительно зашушукались, а Телль засунул стрелу обратно в колчан и уставился горящими глазами на Геслера. Наместник побледнел от гнева.

– Схватить его! – рявкнул он.

– Одумайтесь, ваша милость, – прошептал Рудольф Гаррас, – вы обещали сохранить ему жизнь. Телль, беги! – выкрикнул он.

Телль не шелохнулся.

– Схватить его и связать, – гремел Геслер. – Станет сопротивляться – задайте ему трепку.

– Не стану сопротивляться, – презрительно отозвался Телль. – Мне следовало помнить, что значит довериться слову тирана. Пусть я умру, так хоть мои сограждане будут знать цену вашим обещаниям.

– Никоим образом, – ответил Геслер. – *Я рыцарского слова не нарушу. Я жизнь тебе дарю, как обещал. Ты опасный человек, Телль, а от таких я вправе защищаться. Ты сам выболтал свои преступные намерения. Я прослежу, чтобы ты их не привел в исполнение. Жизнь тебе я обещал и жизнь дарю. О свободе же речь не шла. В моем замке в Кюснахте⁵ есть темницы, куда от века не заглядывали ни солнце, ни луна. Прикуют тебя там за руки, за ноги – и твои стрелы не будут мне страшны. Безрассудно, Телль, угрожать властям предержавшим. Стража, связать его и отвести на мой корабль. Я последую за вами, и сам доставлю его в Кюснахт.*

Стражники связали Теллю руки. Он не сопротивлялся. Под стоны окружающих его отвели к берегу озера, где стоял на якоре корабль Геслера.

– Ушла последняя надежда, – переговаривались люди. – Где нам теперь искать предводителя?

⁵ *Кюснахт* — город в кантоне Цуг, на северном берегу Фирвальдштетского (или Люцернского) озера.

Глава XIV

Замок Кюснахт стоял с противоположной стороны озера – каменная громада на могучем утесе, встающем из волн, которые вечно бурлили и пенились у его подножия. Его окружали отвесные скалы самых причудливых форм, и множество судов погибло здесь во время бури, а шторма бывали на озере часто.

Геслер со своими людьми и Телль, связанный и безоружный, отплыли после полудня. Флюэлен⁶, где швартовался корабль наместника, был в двух милях от Кюснахта.

Когда все взошли на борт, Телля посадили на самое дно трюма. Там было темным-темно, то и дело по нему пробегали крысы. Отдали швартовы, надулись паруса, и корабль заскользил по озеру с попутным ветром.

Многие швейцарцы пошли за Теллем и его тюремщиками к гавани и стояли, уныло всматриваясь, как тает в дымке корабль. Они было зашептались, что надо его спасти, хоть попытаться, но никто не посмел начать, и шепотки так и окончились ничем. Мало кто носил оружие, а стражники были в доспехах, и у каждого – длинная пика или острый меч. Как сказал бы Арнольд Сева, случись он здесь, что людям требовалось – так это осмотрительность. Бесплезно нападать на

⁶ *Флюэлен* — городок в устье Ройса, на южном берегу Фирвальдштетского озера. Арестованного Телля везут через все озеро, с юга на север.

тех, кто прекрасно может защититься.

Поэтому люди смотрели и стенали, но ничего не делали.

Какое-то время корабль мчался по зеркально гладкой воде. Телль лежал внизу, слушал, как матросы бегают по палубе у него над головой, и прощался с надеждой когда-нибудь снова увидеть дом и друзей.

Но вскоре он заметил, что качка и крен стали сильнее, чем поначалу, значит, сообразил он, разыгрался сильный шторм. На озере быстро налетали бури, его всегда опасно было пересекать на лодке. Часто в начале поездки на воде не было даже ряби, а под конец вставали валы, способные потопить громадный корабль.

Телль радовался шторму. Жизнь была ему не мила, если жить значило сидеть взаперти в темной тюрьме замка Кюснахт. Уж лучше утонуть. Он лежал внизу корабля и надеялся, что вот-вот волна швырнет их на скалу и пустит на дно. Качка была – хуже некуда.

Геслер стоял на палубе рядом с рулевым и беспокойно взглядывался в скалы по краям узкого залива, немного восточнее замка Кюснахт. Лишь в заливе, единственном на целые мили берега, можно было безопасно пристать. По обе стороны тянулось побережье, утыканное скалами, которые разбили бы корабль в щепки, коснись он их только. Геслер велел направить корабль в залив, но рулевой ответил, что не может отыскать туда вход – такой густой туман брызг закрывал его. Малейшая ошибка означала кораблекрушение.

– Ваша милость, – сказал рулевой, – у меня ни силы, ни умения не хватит, чтобы направлять руль. Я не знаю, где лучше повернуть.

– Что нам делать? – воскликнул стоявший рядом Рудольф Гаррас.

Рулевой колебался. Потом заговорил, осторожно поглядывая на наместника.

– Телль мог бы провести нас в залив, – сказал он, – если ваша милость допустит его к рулю.

Геслер вздрогнул.

– Телль, – пробормотал он, – Телль! Корабль приближался к скалам.

– Приведите его, – распорядился Геслер.

Двое стражников отправились в трюм и развязали Телля, приказали встать и идти с ними. Телль последовал за ними на палубу и предстал перед наместником.

– Телль, – сказал Геслер.

Телль безмолвно глядел на него.

– Стань к рулю, – сказал Геслер, – и проведи корабль через скалы в залив, иначе смерть тебе.

Без единого слова Телль стал на место рулевого, всматриваясь в клубящийся туман. Он повернул нос корабля направо налево и снова направо, в самый центр брызг. Они прошли между скалами, и корабль не наскочил на них. Дрожа и кренясь, он продвигался вперед, пока внезапно облако брызг не оказалось позади, а впереди были спокойные воды залива.

Геслер подозвал рулевого.

– Прими руль, – велел он.

Он указал на Телля.

– Связать его, – приказал он стражникам.

Солдаты подходили медленно, им не хотелось связывать человека, который их только что спас от верной гибели. Однако приказ есть приказ, так что они надвигались на Телля с веревками, чтобы его связать.

Телль отступил на шаг. Корабль скользил мимо высокой скалы. На такие скалы Телль взбирался не раз, охотясь на серн. Охотник действовал быстро. Подхватив свой лук и колчан с палубы, он вскочил на борт и одним мощным прыжком оказался на скале. Еще мгновение, и он был недосыгаем.

Геслер заорал на лучников.

– Стреляйте! Стреляйте! – кричал он.

Те торопливо приладили стрелы к тетивам. Они опоздали. Телль был готов раньше них. Тонкое пение стрелы разнеслось по воздуху, и в то же мгновение наместник Геслер упал мертвым на палубе, пронзенный в самое сердце.

Вторая стрела Телля попала в цель, как и первая.

Глава XV

Не так много осталось рассказать про Вильгельма Телля. Смерть Геслера послужила швейцарцам сигналом к восстанию, и вскоре вся страна вооружилась против австрийцев. Только из-за страха перед наместником не бунтовали прежде, а так мятеж зрел давно. Люди дали клятву изгнать врагов из страны. По всей Швейцарии шли приготовления к революции, и рыцари с крестьянами объединились.

При известии, что наместник убит, во всех городах Швейцарии состоялись митинги, и было решено начать революцию безотлагательно. Все крепости, что Геслер построил за годы своего владычества, были снесены в одну ночь. Последним пал замок, заложенный совсем недавно, и люди, строившие его по принуждению, ликовали, растаскивая камни, скрепить которые им стоило такого труда. Даже дети помогали. Для них наступил праздник: разбивай что хочешь – никто не запрещает.

– Вот увидите, – сказал Телль, наблюдая за ними, – через много лет, уже поседевшие, наши дети будут помнить эту ночь, будто она была вчера.

Прибежали еще люди, принесли шест с луга. Шляпа Геслера все еще торчала наверху, пригвожденная к дереву стрелой Телля.

– *Вот шляпа,* – воскликнул Руоди, – *читать ее нас принуж-*

дали!

– Что нам с ней делать? – раздались голоса.

– Порвать ее! Сжечь! – кричали другие. – Символ тирании – в огонь!

Телль остановил их.

– Давайте сохраним ее, – сказал он. – Геслер хотел, чтобы она послужила порабощению страны; мы установим ее в честь завоеванной свободы. Мы с честью выполнили клятву, что принесли: прогнать тиранов из нашей страны. Пусть шест стоит на месте, где завершилась революция.

– А завершилась ли? – спросил Арнольд Мельхталь. – Тонкий вопрос. Когда австрийский император узнает, что мы убили его друга Геслера и сожгли все его новехонькие крепости, разве он не придет сюда отомстить?

– Придет, – согласился Телль. – И пусть приходит. Пусть приводит свои полчища. Мы изгнали врагов из самой страны. Мы сумеем встретить и погнать прочь врагов из-за рубежа. Швейцарию не так легко завоевать. Немного есть горных перевалов, по которым пройдут армии. Мы грудью станем на их защиту. Одно преимущество всегда с нами: мы едины. Всем вместе нам нечего бояться.

– Ура! – кричали все.

– Кто это сюда идет, – спросил Телль, – такой взбудораженный? Наверное, новости.

Это был священник Рёссельман, новости он принес и правда захватывающие.

– *Дожили, вот время,* – сказал Рёссельман, входя.

– *Но что случилось?* – закричали все.

– Внимайте в изумлении.

– *Что за напасть?*

– Наш император...

– Да?..

– *Убит наш император.*

– Как? Убит?

– Убит!

– *Да как же так? Откуда эти вести?*

– *Нам эту весть принес правдолюбивый Иоганнес Мюллер.*

– Как все случилось?

– Когда император ехал из замка в Баден, бароны Эшенбах и Тегерфельден, говорят, из зависти к его власти, напали с копьями. Стража была на другой стороне реки – император как раз переправился – и не могла прийти ему на помощь. Он умер на месте.

Из-за смерти императора революция в Швейцарии могла продолжаться без помех. Наследник был слишком занят, спасаясь от тех же убийц, ему было не до швейцарцев, а когда у него высвободилось время, они оказались ему не по зубам. Так Швейцария стала независимой.

Что до Вильгельма Телля, он вернулся домой и жил долго и счастливо с женой и сыновьями, которые с годами стали мастерски владеть луком, почти как отец.

Эпилог

*Кто говорит, что там и тут
Ошиблись мы в развязке;
Кто говорит: напрасный труд,
Бессмысленные сказки.
Не разрешить нам этот спор
Коротким эпилогом.
Одно мы знаем – до сих пор
Всё нет конца налогам.*

Бросок!

© Перевод Е. Данилиной

Предисловие

Кое-кто решит, будто я выписываю ужасы иностранной интервенции в Англию слишком мрачными красками. Реализм в искусстве, говорят, не должен выходить за рамки. Я же уверен, что читатели в массе не станут обвинять меня в желании раздуть нездоровую сенсацию. Англии пора прозреть: над ней нависла угроза, и наше дело – не закрывать глаза на вероятный исход вторжения. Позвольте отметить, что труд написан и выпущен в свет лишь из чувства долга и патриотизма. Чуткая душа издателя, Олстона Риверса, будет потрясена до основания, окажется книга прибыльной. Моя душа – тоже. Мы сознательно идем на риск, когда опасность грозит всей нации. В конце концов, для родной страны мы готовы и не на такие жертвы.

П. Г. Вудхаус

Бомбоубежище, Лондон, Уэст-Энд

Часть первая

Глава I

Дом юного англичанина

1 августа 19... года

Кларенс Чагуотер глянул вокруг, сдвинув брови и стиснув зубы.

– Англия... моя Англия! – простонал он.

Кларенс – крепкий подросток четырнадцати лет. У него широкополая шляпа, яркий шейный платок, фланелевая рубашка, пучок лент, рюкзак, футбольные трусы, коричневые ботинки, свисток и хоккейная клюшка – все простенько и со вкусом. Собственно, он один из бойскаутов генерала Баден-Поуэлла⁷.

Присмотритесь к нему внимательно. Не отворачивайтесь, бросив беглый взгляд: ведь вы взираете на судьбоносную личность, на Кларенса Макэндрию Чагуотера, того самого, что спас Англию.

Сегодня эти черты знакомы всем. Все видели колонну Ча-

⁷ один из бойскаутов генерала Баден-Поуэлла – злободневная отсылка, потому что генерал-лейтенант Роберт Баден-Поуэлл (1857–1941) организовал бойскаутское движение в 1908 году, первоначально для мальчиков в возрасте с 11 до 14–15 лет. Это их девиз «Будь готов».

гуотера в Олдуиче, конную статую на улице Чагуотера (бывшая Пиккадилли) и открытки в витринах канцелярских лавок. Выпуклый лоб, будто набитый полезными сведениями; тяжелый подбородок; глаза, сверкающие за стеклами очков; во всем облике что-то *je ne sais quoi*⁸.

Словом – Кларенс!

Он умел делать все, что положено бойскауту. Он мог реветь быком и ворковать голубем. Он мог подражать крику репы, да так, что кроликов надувал. Он мог улыбаться и свистеть одновременно, в соответствии с Правилом 8 (кто пробовал – знает, насколько это сложно). Он мог различать следы, валить деревья, узнавать характер по подошвам и издавать позывные. Он отличался во всем, а позывные издавал поистине мастерски.

* * *

Жарким августовским днем Кларенс напряженно выслеживал в столовой домашнюю кошку по следам на ковре. Подняв на секунду взгляд, он заметил других членов семьи.

– Англия, моя Англия! – простонал он.

Вид и в самом деле исторг бы горячие слезы у любого бойскаута. Стол отодвинули к стене, и на свободном месте мистер Чагуотер, вместо того чтобы подавать детям пример,

⁸ Буквально: «не знаю что» (*фр.*), что-то неопределенное, но этакое; изюминка.

выдeldывал трюки с йo-йo. Рядом его жена сосредоточенно ловила стаканчиком теннисный мяч. Реджи Чагуотер, старший сын в семье, ее надежда, наследник, читал спортивные новости в раннем издании вечерней газеты. Хорэс, другой брат, играл в шарики с сестрой Грейс и ее женихом, Ральфом Пибоди. Еще одна сестра, Алиса, подправляла бадминтонную ракетку.

Никто в целом семействе не выделял ружейных экзерсисов, не занимался строевой подготовкой и не учился делать перевязку.

Кларенс испустил стон.

– Если не можешь играть без фыркaнья, сынок, – подосадовал мистер Чагуотер, – найди себе другую игру. Из-за тебя я подпрыгнул, а то бы побил собственный рекорд.

– Кстати, о рекордах, – вмешался Реджи. – Фрай⁹, возможно, наберет сотню очков, восьмую подряд. Коли так пойдет и дальше, Ланкашир выиграет в чемпионате.

– По-моему, он играет за Сомерсет, – заметил Хорэс.

– Играл две недели назад. Надо быть в курсе, крикет тебе не шуточки.

Кларенс снова с горечью фыркнул.

– Наверное, тебе лучше встать с пола, Кларенс, – забеспокоился мистер Чагуотер. – Тут такой сквозняк, а ты явно

⁹ Фрай — Чарлз Бергес Фрай (1872–1956). Разносторонний спортсмен (играл в футбол в сборной Англии, в 1892 г. поставил мировой рекорд по прыжкам в длину), но в основном известен как выдающийся игрок в крикет; несколько раз был капитаном английской сборной.

простужен. Чего ради лежать на полу?

– Я выслеживаю, – отвечал Кларенс просто, но с достоинством.

– Лучше тебе выслеживать на стуле, с интересной книжкой.

– Ребенок, похоже, заболел, – сунулся с критическим замечанием Хорэс. – Хрипит чего-то. Что с тобой, Кларри?

– Я думал о своей стране, – сообщил Кларенс, – об Англии.

– Что такого с Англией?

– Англия, вперед! – подхватил Ральф Пибоди.

– Моя загубленная страна! – вздохнул Кларенс, и скупая мужественная слеза увлажнила стекла его очков. – Моя загубленная, обессиленная страна!

– Ахинею несешь, – заявил Реджи, откладывая газету. – Старина, да нынче Англия сильнее всех кругом, а ты будто не знал? Ты вообще газеты читаешь? Как же – ведь мы отвоёвали кубок по крикету у австралийцев¹⁰, выиграли чемпионаты, что по гольфу, что по дрибушечкам; а теннис с привязанным мячом, бирюльки, перышки, а зоологическое лото – везде победы! Тебе хоть известно, что в крокете наша пара опередила американскую на восемь воротец? Не доводилось слышать, что на последней Олимпиаде медаль за тройной

¹⁰ «Отвоёвали кубок по крикету у австралийцев» — действительно, в 1909 году после ряда проигрышей выиграла команда Англии.

прыжок была наша?¹¹ Ты словно с луны свалился, братец.

Кларенс не находил слов выразить переполнявшие его чувства. Он молча поднялся и вышел.

– Видно, не в духе, – заметил Реджи. – Чудак! Слушайте, а Херст¹² хорошо подает! Пока счет пять – двадцать три.

В унынии Кларенс побрел за ворота. Семья Чагуотеров жила в Эссексе, в превосходном, недавно построенном особнячке. То был настоящий английский дом. Назывался он «Настурции».

По пути до Кларенса донесся голос мальчишки-газетчика. Тот появился из-за угла с воплем: «Па-араженье Серрея! Неотразимые подачи на стадионе „Овал“!»¹³

Завидев Кларенса, он приостановился.

– Газету, генерал?

Кларенс покачал головой, но, увидев заголовки, издал сдавленный крик. Там стояло:

«СЕРРЕЙ НЕ НА ВЫСОТЕ»

«ГЕРМАНСКАЯ АРМИЯ ВЫСАДИЛАСЬ В АНГЛИИ».

¹¹ «На последней Олимпиаде медаль за тройной прыжок была наша» – на Олимпиаде 1908 года (Лондон) в тройном прыжке победил Тимоти Ахирн – ирландец, но тогда Ирландия входила в состав Великобритании.

¹² Хёрст — Джордж Герберт Хёрст (1871–1954). Игрок в крикет, разработал некоторые современные виды подачи.

¹³ «Овал» — крикетный стадион в графстве Серрей, открыт в 1846 году, назван так по овальной форме поля.

Глава II

Захватчики

Кларенс швырнул мальчишке полпенни, схватил газету и стал пристально изучать. Под обычными рубриками ничего важного не было, но он нашел, что искал, в разделе экстренных сообщений. «Последние новости, – гласил заголовок. – Фрай не дал себя выбить, 104 очка. Команда Серрея проиграла, счет 147:8. Сегодня днем германская армия высадилась в Эссексе. Слякотьширские скачки с гандикапом: первое место – Цыпленок, второе – Саломея, третье – Гип-гип; всего семь участников».

Эссекс! В любую минуту следовало ждать врага у ворот, более того – под дверь. С воинственным кличем на устах Кларенс помчался домой.

Будто марафонец-чемпион, он ворвался в столовую и опять не дал мистеру Чагуотеру побить рекорд.

– Германцы! – вскричал Кларенс. – Нас оккупируют! На сей раз мистер Чагуотер по-настоящему разозлился.

– Сколько можно напоминать: что за кошмарная привычка шуметь в помещении, Кларенс; сто раз уже говорено. Если бойскауту нельзя быть потише, не надо нам таких бойскаутов. Я было поднял йо-йо шесть раз подряд.

– Отец, но...

– Молчать! Сию минуту отправляйся в постель; и я еще

подумаю, не оставить ли тебя без ужина. Зависит от того, как ты будешь себя вести. Марш!

– Отец, но...

Кларенс, дрожа от возмущения, уронил газету. Мистер Чагуотер стал заметно суровее.

– Кларенс! Мне повторить?

Он подался вперед и расстегнул ремень. Кларенс ретировался. Реджи подобрал газету.

– У ребенка, – заявил он рассудительно, – винтиков не хватает. Ого! Я же говорил! «Фрай не дал себя выбить, 104 очка». Молодчина, Чарлз!

– Ну и ну, – воскликнул Хорэс, сидевший у окна, – тут два чудака подошли к парадной двери, в маскарадных костюмах, что ли.

– Германцы, наверное, – сказал Реджи. – Сегодня днем высадились, вот в газете пишут. Стало быть...

Громогласный стук сотряс здание. Домочадцы переглянулись. В прихожей послышались голоса, затем дверь открылась, и горничная объявила: «Господа Спринцонто и Адью Там».

– Вернее, – поправил на безупречном английском языке высокий бородач с военной выправкой, вошедший первым, – принц Отто Саксен-Пфеннигский и капитан граф фон Поппенгейм, его адъютант.

– Конечно-конечно! – учтиво согласился мистер Чагуотер. – Присаживайтесь, пожалуйста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.